

ПЕСЕННАЯ ТРАДИЦИЯ В ЛИРИКЕ И. БУНИНА

Боровская Анна Александровна, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, E-mail: borovskaya-anna@bk.ru

В статье исследуется песенная лирика И. Бунина в контексте тех эволюционных изменений, которые претерпел жанр песни в русской поэзии конца XIX – начала XX в. Одним из определяющих процессов жанрового мышления в творчестве И. Бунина является синтез лирической и духовной песни. Автор работы обращает особое внимание на роль фольклорной традиции и стилизации в жанрообразовании; на соотношение народно-поэтической и литературной образности в песенной структуре.

Ключевые слова: И. Бунин, жанр, народная песня, песенная лирика, духовная песня, молитва, литургическая поэзия, эволюция, жанровый синтез

THE SONG TRADITION IN THE LYRICS OF I. BUNIN

Borovskaya Anna A., D.Sc. (Philology), Professor, Astrakhan State University, 20a Tatischeva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, E-mail: borovskaya-anna@bk.ru

The paper investigates the song lyrics of I. Bunin in the context of evolutionary changes that happened to the genre of songs in Russian poetry of the late XIX – early XX centuries. One of the constitutional processes of thinking through genre in the work of I. Bunin is the synthesis of the lyric song and cleric song. The author of the paper emphasizes the role of the folk tradition and stylization in genre formation, the ratio of folk poetry and literary imagery in the song structure.

Keywords: I. Bunin, genre, folk song, song lyrics, cleric song, prayer, liturgical poetry, evolution, genre synthesis

В песенной лирике конца XIX – начала XX в. усиливается интерес к народно-поэтическому типу мышления, возрастает число фольклорных стилизаций. При этом уровень и формы взаимосвязи текстов с фольклорной традицией и сочетания народнопозитических и литературных элементов в творчестве поэтов различны. Другим направлением развития песенного жанра становится обращение к духовной и литургической поэзии.

Религиозные образы и мотивы проникают в лирические песни С. Есенина («Пасхальный благовест»), И. Бунина («Сириус», «Святой Прокопий»), Ю. Балтрушайтиса («Мой щит», «Видение вечера»). В лирике И. Бунина широко представлена так называемая «духовная песня» («Христос воскрес», «Из Апокалипсиса», «Сын человеческий», «В Гефсиманском саду») [4], в основе которой лежат сюжетные мотивы Библии, Евангелия или Жития святых. Стихотворение «Святой Прокопий» (1916) отличает тяготение к эпическому повествованию, что обусловлено, по мнению М. Гаспарова, имитацией «былинного стиха» (его ритмический строй укладывается в метрическую форму 3-иктового тактовика). И. Бунин воспроизводит архаическую интерпункцию. В мелодическом рисунке стихотворения нет предустановленной гармонии, все приемы ритмического урегулирования текста окказиональны и факультативны, как в верлибре:

Бысть некая зима
Всех зим иных лютейша паче.
Бысть нестерпимый мраз и бурный ветр,
И снег спаде на землю превеликий,
И храмины засыпа, и не токмо
В путех, но и во граде померзаху
Скоты и человецы без числа,
И птицы мертвы падаху на кровли
Бысть в оны дни:
Святый своим наготствующим телом
От той зимы безмерно пострада [2, с. 54].

Ритмообразующим фактором являются ассиметричная дистанционная анафора и синтаксический параллелизм, организующим стержнем которого выступает тяготеющая к однородности последовательность глаголов («померзаху», «пострада», «засыпа»), лексические повторы («храмины», «Пси», «человецы», «святой») что характерно для высокой церковной риторики. Стилизаторскую функцию выполняют устаревшие грамматические формы перфекта и плюсквамперфекта, доминирование неполногласия («мраз»), старославянская лексика («токмо», «человецы», «бысть», «нощию»). Музыкальный напев формируется за счет расшатывания тактовика (с вкраплениями ямбического размера), введения нулевых и четырехсложного междуиктовых интервалов. В песне преимущественно чередуются стихи с тремя, двумя и одним иктами. Ритмический фон создает спонтанное чередование длинных и укороченных стихов в нарушение резонанса. Таким образом, И. Бунин использует астрофический стих, отказывается от рифмы, что, по справедливому замечанию Ю. Иншаковой [4], придает тексту некоторую «тяжеловесность», что, в свою очередь, служит средством выражения двойственной лиро-эпической природы повествования. Сюжетный эпизод, традиционный для агиографии, – просьба Святого Прокопия о ночлеге в ненастную погоду и последующий отказ – возводится в степень обобщения и приобретает притчеобразный характер, отсюда дидактическое умозаключение в финале стихотворения: «Господне имя! Пси и человецы – // Единое в свирепстве и уме [2, с. 34].

В то же время в житии Прокопия И. Бунин обнаруживает параллели с историческими событиями современного ему 1916 г.: мотивы «бездомности» и «бесприютности» героя прочитываются в контексте историософских мыслей поэта о судьбе России и наделяются пророческой семантикой. Неслучайно в этой

связи обращение И. Бунина к грамматической категории перфекта и плюсквамперфекта, утративших актуальность, но обозначающих свершение действия в длительном и незавершенном времени.

Говоря о песенной лирике И. Бунина, необходимо отметить явления жанровой интерференции и жанровой полисемии. Так, ряд исследователей по-разному определяют жанровую принадлежность таких стихотворных текстов, как «Святой Прокопий», «Святого и Илья», «Аленушка», «Петров день», «Мачеха» (Ю. Иншакова в своей диссертации анализирует указанные произведения в параграфе о песенной лирике, О. Владимиров рассматривает их как баллады [3]). Основание для подобной полемики служит отсутствие соответствующей авторской маркировки, а также ярко обозначенная эпическая составляющая этих произведений. Представляется возможным сделать вывод о синтетическом взаимодействии в творчестве поэта двух родственных в фольклоре жанров баллады и песни.

Характер фольклоризма в поэзии И. Бунина тесно связан с народной традицией художественного мышления: А. Бабореко отмечает, что «Бунин делал многие фольклорные записи, а также кое-что выписывал из “Песен, собранных П. В. Кириевским” и других сборников народных песен» [1, с. 126]. Таким образом, особенности заимствования сюжетов, образов и мотивов, которые генетически восходят к жанрам устного народного творчества, определяются обращением И. Бунина к конкретным текстам-источникам. Ярким примером служит стихотворение «Аленушка» (1915): сказочный образ героини, вписанный в круг соответствующих фольклорных ассоциаций, существенным образом трансформируется и оказывается погруженным в совершенно иной контекст: «Мала, мала Аленушка, // А пьет с отцом – до доньшка. // Пошла она в леса гулять, // Дружка искать, в кустах вилять» [2, с. 298–299].

Сюжет песни насыщен парадоксальными перипетиями: немотивированные поступки героини иллюстрируют алогизм, свойственный мифомышлению. В то же время автор воспроизводит элементы сюжета в хронологической последовательности: экспозиция («Аленушка в лесу жила, // Аленушка смугла была...» [2, с. 298]), представляющая собой формулу сказочного зачина; завязка («Пошла она в леса гулять...» [2, с. 298]), отсылающая к традиционному сказочному мотиву перехода из реального мира в нереальный, а также к структуре волшебной сказки – обозначение недостачи и последующая отлучка героя; кульминация («Безделием измучилась, // Зажгла она большой костер...», (2, с. 299)), в которой нарушение привычных причинно-следственных связей приводит к абсолютизации наивного архаического сознания; развязка («И где сама девалась // Доньне не узналось», [2, с. 299]), открывающая перспективу полифонического финала. Наличие ярко выраженного повествовательного сюжета в произведении И. Бунина отражает важную тенденцию в развитии песенного жанра в русской лирике конца XIX – начала XX в. – ее эпизации. Несомненно, народная песня как жанровый инвариант характеризуется эпическим повествованием (что определяется типологической близостью с фольклорной балладой), однако это относится к некоторым ее разновидностям (например, исторические), они, в свою очередь, становятся архитектуральным источником для литературной песни Серебряного века.

Стихотворение И. Бунина написано четырехстопным ямбом, между тем метрическим приоритетом для народной песни является четырехстопный хорей. В. Третьяковский неоднократно подкреплял мысль об абсолютизации хорей в русском стихе следующими аргументами: «К хорюю меня привело свойство нашего языка, для того, что Периоды наши чаще и мернее оканчиваются Хореем, да и рифма наша, как в среднем составе стихов, так и называемая ныне женскою, есть точно же Хорей» [5, с. 23]. Отказ от органичного для народной песни размера, с одной стороны, обусловлено семантической нейтральностью и универсальностью четырехстопного ямба (средняя длина стиха – объем в четыре икта), с другой, выбранный размер, в противоположность своему зеркальному антиподу, в русской литературе достаточно прочно ассоциируется с литературной и, прежде всего, пушкинской традицией. Таким образом, можно высказать предположение о том, что И. Бунин, создавая стилизацию, подчеркивает ее вторичность, преломление сквозь призму классического литературного контекста. Можно также утверждать, что овладение И. Буниным жанром песни шло по двум направлениям: литературному и фольклорному.

В то же время в песенной лирике поэта выделяется корпус текстов, в которых отражены экспериментальные поиски И. Бунина в области имитации народных размеров. Так, в стихотворении «Петров день» (1906) в основе сюжета лежат древние поверья: в праздник Петра и Павла русалки – души утопленниц и некрещеных детей – выходят в леса и рощи, чтобы последний раз встретить рассвет, и водят хороводы. И. Бунин обращается к эксплицитно астрофической организации, однако отсутствие формального членения на строфы не исключает принципа скрытой сегментации, структурно это находит выражение в музыкальной периодизации: регулярно повторяются редуцированные в ритмическом плане строки, разделяя текст на неравнозначные интонационно-фразовые отрезки:

Из долины – по отвесу,
По березовому лесу –
На равнину,
На восток, на ранний свет.
На серебряный рассвет.
На овсы,
Вдоль по жемчугу
По сизому росы!
Девушки-русалочки,
Звонко стало по дугам.
Забелела речка в сумраке,
В алеющем пару,
Пнями пахнет лес березовый
По откосам, берегам, –
Густ и зелен он, кудрявый,
Поутру... [2, с. 47].

Выделенные курсивом строки построены по идентичной ритмико-интонационной модели, которая, с одной стороны, может идентифицироваться со стопною анапестом, с другой – с хорейским размером, осложненным пиррихием и усеченной стопой (что, на наш взгляд, предпочтительнее). И. Бунин использует в песне полиметрические композиции: в вольный хорей влетают ямбические строки (они обозначены жирным шрифтом). Перебой ритма напоминает порядок хоровода, который «под напев движется на полукрута, потом возвращается к исходному положению, затем совершает новый полный оборот» [4, с. 43]. Таким образом, разноразмерные блоки, многочисленные переносы, приемы подхвата, хиазма и параллелизма служат средствами создания мелодики народной песни, а интерпретационная цитация пословиц и поговорок («Петр-Павел – жару прибавил»; «Коли дождь на Петров день, то сенокос будет мокрый»; «С Петрова дня зарница хлеб зорит») воспроизводит обрядовую сторону народной жизни: «Жарко в небе солнце боже // На Петров играет день, // До Ильи сулит бездожде, // Пыль, сухмень – // Будут знойные зарницы // Зарить хлеб, // Будет омут наш, сестрицы, // Темен, слеп!» [2, с. 47].

Стилизация народной песни и обращение к фольклорным образам и мотивам в лирике И. Бунина претерпевает определенные изменения: если для раннего творчества характерен «сплав» цитат, отсылающих к песенным источникам из сборника П. Кириевского и наследию А. Кольцова (цикл «Летних песен», 1887), то в поэзии 1900-х годов наблюдается более сложные взаимодействия авторского и «оговоренного» слова («Чужая», «Зацвела на воле...»).

Своеобразие песенного жанра в лирике И. Бунина обусловлена, с одной стороны, связью с традицией духовной поэзии XVIII–XIX вв., с другой – повышенным интересом к фольклору и соответствующим источникам, наконец, общей тенденцией к объединению музыкального и словесного творчества. Фольклорная традиция – особенно песенная – в значительной степени повлияла на поэтический язык и образность русской песенной лирики. Особенность фольклоризма в поэзии И. Бунина заключается не в прямом следовании источнику и обработке его, а в индивидуально-творческом восприятии некоторых существенных сторон поэтики определенного фольклорного жанра (лирической песни, заговора, частушки, причитания). Решение проблемы взаимоотношения народной и литературной песни оказывалось в непосредственной связи с общей мировоззренческой и эстетической позицией художника, и потому фольклоризм никогда не был лишь внешним стилистическим элементом, за ним всегда стояла определенная авторская концепция народности. Стилизация народной песни в русской поэзии идет по двум направлениям: тематическому (заимствование образов, сюжетов и мотивов, связанных с песенным фольклором) и языковому (имитация стиля и ритмико-интонационного рисунка песенного жанра). Необходимо также отметить, что И. Бунин воспроизводит скорее обобщенную модель народной песни, нежели обращаются к конкретным фольклорным источникам.

Список литературы

1. Бабореко А. Бунин: жизнеописание. М., 2004.
2. Бунин И. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1987. Т. 1.
3. Владимиров О. Жанровое движение в лирике И. А. Бунина 1886–1952 годов: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1999.
4. Иншаклова Ю. Жанровая система поэзии И. А. Бунина: дис. ... канд. фил. наук. Елец, 2005.
5. Тредиаковский В. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний // Тредиаковский В. Избранные произведения. М., Л., 1963.

References

1. Baboreko A. *Bunin: zhizneopisanie* [Bunin: description of life]. Moscow, 2004.
2. Bunin I. *Sobranie sochineniy* [Complete works]. Moscow, 1987, vol. 1.
3. Vladimirov O. *Zhanrovoye dvizhenie v lirike I. A. Bunina 1886–1952 godov* [Genre movement in the lyric Bunin's 1886–1952]. Tomsk, 1999.
4. Inshakova Yu. *Zhanrovaya sistema poezii I. A. Bunina* [Genre system of the lyric Bunin's]. Yelets, 2005.
5. Trediakovskiy V. *Novyy i kratkiy sposob k slozheniyu rossiyskikh stikhov s opredeleniyami do sego nadlezhayshikh znaniy* [A new and concise way to the addition of Russian poetry...]. *Trediakovskiy V. Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Leningrad, 1963, pp. 20–34.

ВЛИЯНИЕ ПОСТМОДЕРНА НА РАЗВИТИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАНСГРЕССИИ²⁶

Дрягалов Вячеслав Сергеевич, ведущий специалист, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, E-mail: helios82@yandex.ru

В статье анализируется религиозная ситуация в эпоху постмодерна. В частности, уделяется внимание таким проблемам, как смена мотивов при выборе религии, влияние фундаментализма на различные конфессии и религиозный синкретизм. Все эти факторы оказывают, в той или иной степени, влияние на развитие религиозной трансгрессии – социокультурного феномена современности. В рамках анализируемой темы проводится небольшое исследование, связанное с отношением ряда мировых религий, как к ситуациям ухода из веры, так и к ситуациям возвращения в церковь.

Ключевые слова: постмодерн, религия, фундаментализм, синкретизм, трансгрессия, религиозная трансгрессия.

²⁶ Статья выполнена по гранту президента для молодых ученых кандидатов наук. Проект МК-7152.2015.6 «Социокультурный анализ механизмов религиозной трансгрессии на территории Астраханской области как части прикаспийского фронта». (Article made under the grant for young scientists president candidates. Project МК-7152.2015.6 "Socio-cultural analysis of the mechanisms of religious transgression in the Astrakhan region of the Caspian Sea as the frontier".)